

ISSN 0869-4362

**Русский
орнитологический
журнал**

**2011
XX**

**ЭКСПРЕСС-ВЫПУСК
657
EXPRESS-ISSUE**

СОДЕРЖАНИЕ

- 971-973 Материалы по биологии большой горлицы *Streptopelia orientalis* на юге Западной Сибири.
В. М. ЧЕРНЫШОВ
- 974-979 Возрастной и половой состав больших синиц *Parus major*, проходящих Куршскую косу в период осенней миграции. В. Д. ЕФРЕМОВ
- 979-981 Каролинский дятел *Melanerpes carolinus* похищает птенцов домового крапивника *Troglodytes aedon*.
А. Д. Ж. НЕЙЛ, Р. Г. ХАРПЕР
- 981-983 Гнездование грачей *Corvus frugilegus* на опорах и распределительных устройствах высоковольтных линий электропередачи и контактных электросетей железных дорог в Казахстане. Н. Н. БЕРЕЗОВИКОВ
- 984-987 Хрустан *Eudromias morinellus* в высокогорье Западного Алтая. Б. В. ЩЕРБАКОВ, Л. И. ЩЕРБАКОВА
- 987-990 Волгоградская Сарпа как рефугиум редких видов птиц.
С. А. БУКРЕЕВ, В. Ф. ЧЕРНОБАЙ
- 990-991 Гнездование ястребиной славки *Sylvia nisoria* на Валаамском архипелаге Ладожского озера.
Е. В. МИХАЛЁВА
-

Редактор и издатель А. В. Бардин
Кафедра зоологии позвоночных
Биолого-почвенный факультет
Санкт-Петербургский университет
Россия 199034 Санкт-Петербург

CONTENTS

- 971-973 Materials on the biology of the oriental turtle dove
Streptopelia orientalis in the south of Western Siberia.
V. M. CHERNYSHOV
- 974-979 Age and sex ratio of great tits *Parus major* during
autumn migration over the Courish spit.
V. D. EFREMOV
- 979-981 Red-bellied Woodpecker *Melanerpes carolinus* predation
on nestling House Wrens *Troglodytes aedon*.
A. J. NEIL, R. G. HARPER
- 981-983 Nesting of rooks *Corvus frugilegus* on pillars and
distributors of high-voltage power lines and electrical
contact lines of railways in Kazakhstan.
N. N. BEREZOVIKOV
- 984-987 The dotterel *Eudromias morinellus* in the highlands
of West Altai. B. V. SHCHERBAKOV,
L. I. SHCHERBAKOVA
- 987-990 The Volgograd Sarpa a refuge of rare species of birds.
S. A. BUKREEV, V. F. CHERNOBAY
- 990-991 Breeding of the barred warbler *Sylvia nisoria*
on the Valaam archipelago of Lake Ladoga.
E. V. MIKHALEVA
-

A. V. Bardin, Editor and Publisher
Department of Vertebrate Zoology
St.-Petersburg University
St.-Petersburg 199034 Russia

Материалы по биологии большой горлицы *Streptopelia orientalis* на юге Западной Сибири

В.М.Чернышов

Вячеслав Михайлович Чернышов. Институт систематики и экологии животных СО РАН,
ул. Фрунзе, д. 11, Новосибирск, 630091, Россия. E-mail: chernyshov@ngs.ru

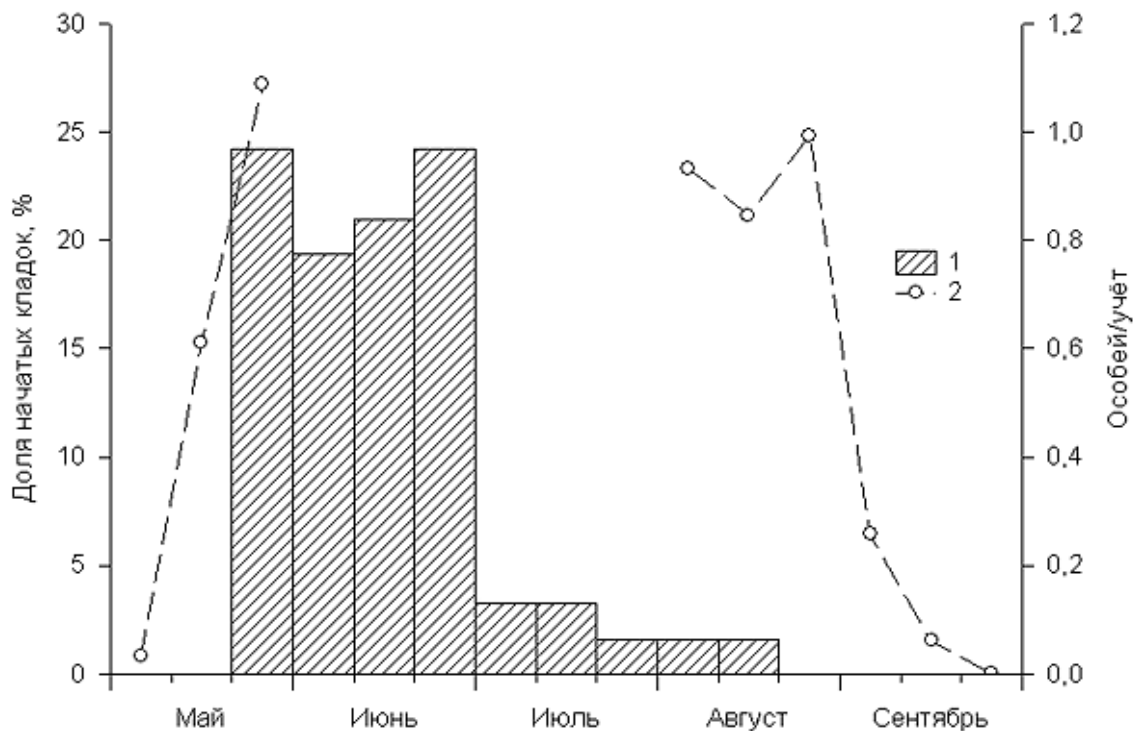
Поступила в редакцию 17 мая 2011

Большая горлица *Streptopelia orientalis* – сравнительно хорошо изученный вид птиц в Западной Сибири (Котов 1976; Юрлов и др. 1986; Кошелев 1993). Тем не менее, конкретных сведений по репродуктивным параметрам, и в частности по изменчивости ооморфологических показателей, недостаточно.

Материал собран в Здвинском районе Новосибирской области, на территории, прилегающей к юго-восточному побережью озера Малые Чаны. Район исследования расположен в южной части лесостепной зоны и характеризуется сравнительно слабой облесенностью. Интенсивность перемещений большой горлицы в предгнездовой и послегнездовой периоды изучалась методом прямых визуальных наблюдений с постоянного наблюдательного пункта (НП) (Гаврилов 1977). В качестве показателя пролёта использовалось среднее за декаду количество птиц, зарегистрированных в течение одного утренне-вечернего учёта (2 ч утром и 2 ч вечером). В гнездовой период найдено и обследовано 63 гнезда. Дата начала откладки яиц в каждом гнезде определялась путём непосредственных наблюдений, либо оценивалась в результате соответствующих расчётов, исходя из насиженности яиц, времени вылупления или возрастных признаков птенцов. Для оценки изменчивости яиц измерялись с помощью штангенциркуля (точность деления 0.1 мм) их линейные размеры: длина (L) и максимальный диаметр (ширина) (B). Объём яиц вычисляли по формуле: $V = 0.51 \times L \times B^2$ (Нойт 1979), а индекс формы (округлённости) – по формуле: $S_{ph} = (B/L) \times 100$ (Мянд 1988).

Большая горлица в районе исследования обычный гнездящийся и пролётный вид. Первые особи появляются в начале мая, а наибольшее количество птиц отмечается в конце этого месяца (см. рисунок). Возможно, в это время регистрируются преимущественно местные перемещения. Обитает в берёзовых и осиново-берёзовых островных лесах-колках. Нередко встречается в искусственных лесонасаждениях из тополя, лоха. В ленточных осиново-берёзовых колках плотность её гнездования может достигать 14 пар/км². Рыхлые просвечивающие гнёзда большой горлицы, построенные преимущественно из тонких берёзовых веточек, размещаются на высоте от 0 до 5 м, в среднем 92.4 ± 11.9 см ($n = 56$). Из 63 гнёзд 9 (14.3%) были построены на земле, как правило, под прикрытием куста шиповника или ивы. Чаще всего гнёзда располагаются в кусте ивы (31.7%) или шиповника (27.0%), реже на валеж-

нике (9.5%), черёмухе (7.9%) или в развилке ветвей берёзы (обычно у ствола) (6.3%). Единичные гнёзда найдены на осине и в кусте таволги. Диаметр гнезда ($n = 17$) от 170×165 и 190×160 до 270×260 и 267×267 , в среднем $217 \pm 8 \times 189 \pm 8$ мм; высота гнезда 34-80, в среднем 61 ± 3 мм. Диаметр лотка от 75×75 до 120×85 и 110×100 , в среднем $98 \pm 3 \times 88 \pm 2$ мм; его глубина 0-48, в среднем 30 ± 2 мм.

Динамика перемещений и сезонное распределение начатых кладок большой горлицы *Streptopelia orientalis*.

1 – доля начатых кладок. 2 – число особей за один учёт.

Сроки начала откладки яиц у большой горлицы растянуты с 23 мая по 11 августа, но большинство кладок (91.4%) появляется в мае и июне (см. рисунок). Возможно, некоторые пары успевают выкормить за сезон два выводка.

Кладка большой горлицы, как и у других голубеобразных, обычно состоит из двух яиц белого цвета. Однако в одном из 58 гнёзд отмечена нормальная однойцовая кладка. Размеры яиц варьируют от 31.1×24.8 и 35.4×23.3 до 37.4×25.0 и 34.3×27.4 , в среднем составляя $34.12 \pm 0.15 \times 25.21 \pm 0.09$ мм ($n = 92$). Коэффициент вариации (CV) длины равен 4.2%, наибольшего диаметра (ширины) – 3.4%. Индекс округлённости составляет 65.8-81.3, в среднем $73.98 \pm 0.34\%$ ($CV = 4.4\%$). Объём яиц изменяется в пределах от 9.129 до 13.521 мл., в среднем составляя 11.077 ± 0.103 мл ($CV = 8.9\%$). Отмечена тенденция к сезонному возрастанию величины яиц (см. таблицу), что, вероятно, объясняется улучшением кормовых условий.

Сезонная изменчивость ооморфологических параметров (среднее \pm S.E.)
 большой горлицы *Streptopelia orientalis*

Параметры	21-31 мая <i>n</i> = 13	1-10 июня <i>n</i> = 18	11-20 июня <i>n</i> = 25	21-30 июня <i>n</i> = 24	Июль-август <i>n</i> = 12
<i>L</i> , мм	33.73 \pm 0.47	34.47 \pm 0.34	34.13 \pm 0.29	34.06 \pm 0.27	34.43 \pm 0.37
<i>B</i> , мм	24.92 \pm 0.20	25.03 \pm 0.24	25.24 \pm 0.17	25.36 \pm 0.14	25.41 \pm 0.28
<i>S_{ph}</i> , %	74.00 \pm 0.96	72.69 \pm 0.79	74.07 \pm 0.72	74.92 \pm 0.53	73.86 \pm 0.96
<i>V</i> , мл	10.70 \pm 0.27	11.04 \pm 0.27	11.11 \pm 0.19	11.13 \pm 0.18	11.36 \pm 0.31

Как правило, в гнезде выводятся оба птенца. Лишь в 2 из 33 кладок, прослеженных до появления птенцов, отмечено по одному неоплодотворённому яйцу. Иногда некоторые птенцы выпадают из гнёзд и погибают. На одну успешную попытку гнездования в среднем приходится 1.86 ± 0.07 слётков ($n = 29$).

Из 57 гнёзд с прослеженной судьбой 24 (42.1%) было разорено, 3 (5.3%) брошено. Успешные гнёзда составили 52.6%.

Начало послебрачной линьки (1-я и 2-я стадии) у горлиц зарегистрировано в конце августа. Во время осеннего пролёта линька, по видимому, прерывается. Снижение обилия больших горлиц наблюдается с конца августа (см. рисунок). Последних особей отмечали в конце второй декады сентября.

Литература

- Котов А.А. 1976. Экология большой горлицы в Западной Сибири // *Бюл. МОИП. Отд. биол.* **81**, 5: 22-29.
- Кошелев А.И. 1993. Большая горлица – *Streptopelia orientalis* (Latham 1790) // *Птицы России и сопредельных регионов: Рябкообразные, Голубеобразные, Кукушкообразные, СOVOобразные*. М.: 152-163.
- Мянд Р. 1988. *Внутрипопуляционная изменчивость птичьих яиц*. Таллин: 1-192.
- Юрлов К.Т., Кошелев А.И., Жуков В. С., Юрлов А.К., Яновский А.П., Тотунов В.М. 1986. Миграции клинтуха и большой горлицы в южных районах Западной Сибири // *Миграции птиц в Азии*. Новосибирск: 206-212.
- Нойт Д. Ф. 1979. Practical methods of estimating volume and fresh weight of bird eggs // *Auk* **96**, 1: 73-77.

Возрастной и половой состав больших синиц *Parus major*, проходящих Куршскую косу в период осенней миграции

В.Д.Ефремов

Второе издание. Первая публикация в 1975*

Имеющиеся в настоящее время данные о половом составе, степени оседлости и миграциях больших синиц *Parus major* довольно противоречивы. Первоначально преобладало мнение, что взрослая часть популяции больших синиц оседла и совершает кочёвки, не превышающие 100 км, и что это свойственно самкам (Drost 1932; Промптов, Лукина 1937; Lehtonen 1958), а дальние миграции взрослых – исключительно редкое явление (Лихачёв 1957). Не было единого мнения и об участии молодых птиц в миграциях. Одни авторы считали, что мигрирует лишь незначительная часть молодых особей (25-30%) (Лихачёв 1957), другие же считали, что дальние миграции совершает большая часть молодых птиц (Долбик 1965).

Однако ещё в 1951 году Клюйвер (Kluyver 1951) указывал, что небольшой процент старых птиц в Голландии также совершает осенние передвижения (Kluyver 1951). Затем всё больше авторов стало указывать на то, что в миграциях принимают участие и взрослые птицы (Вилкс, Вилкс 1961; Паевский 1971; и др.). Яблонский (Jablonski 1965) не отмечает заметного преобладания на пролёте молодых птиц над взрослыми, а, наоборот, указывает, что в 1961 году большинство мигрирующих птиц составляли взрослые, главным образом самцы. Здесь необходимо отметить, что выводы этого автора построены на незначительном материале.

Некоторые авторы относят большую синицу к типичным инвазионным видам, численность которых на пролёте зависит не от успешности вывода молодых, а связана с количеством пищи в местах обитания. Мало пищи – большое выселение. Такое явление, вероятно, имеет место в тех местностях, где основу питания больших синиц составляет ограниченный набор кормов, особенно в зимнее время. Так, в Бельгии и Англии эти птицы зимой питаются почти исключительно орешками бука *Fagus sylvatica*, от урожая которых зависит их большее или меньшее выселение (Perrins 1966).

* Ефремов В.Д. 1975. Возрастной и половой состав больших синиц (*Parus major* L.), проходящих Куршскую косу в период осенней миграции // *Сообщ. Прибалт. комис. по изучению миграций птиц* 9: 83-90.

Если придерживаться точки зрения авторов, считающих, что взрослые особи отличаются ярко выраженной оседлостью, а мигрируют в основном молодые птицы, то тогда в областях дальних зимовок должны преобладать первогодки, тем более что западные популяции отличаются большей оседлостью по сравнению с восточными (Kluijver 1951). В действительности же этого не наблюдается. На зимовках во Франции, наряду с оседлыми, зимуют большие синицы и из стран Восточной Европы, в том числе и из европейской части Советского Союза, а молодые птицы составляют только 55% (Schierer 1965/1966).

Большие синицы, окольцованные на Куршской косе, отлавливались в Польше, Германии, Бельгии, Франции и даже в Ирландии. Птицы, проходящие через Куршскую косу, собираются с обширной территории, включающей в себя все прибалтийские республики, Смоленскую, Псковскую, Новгородскую и Ленинградскую области. Вполне возможно, что этот перечень далеко не полный из-за малочисленности возвратов колец с территории Советского Союза (Паевский 1971). Известны случаи находок больших синиц, окольцованных литовскими орнитологами на Куршской косе, в Вологодской области* и Финляндии†. Материалы кольцевания подтверждают и данные Яблонского, который на основании интенсивности отлова в разных местах, различной структуры мигрирующих стай и биометрических данных доказывает пролёт вдоль побережья Балтийского моря нескольких популяций больших синиц, гнездящихся в северо-западных частях СССР, а зимующих во Франции и частично в Бельгии.

В настоящей статье приводятся сведения о сроках миграции, половом и возрастном составе больших синиц в осенние периоды 1969-1971 годов по данным их отлова рыбачинскими ловушками, описанными в ряде работ (Эрик 1967; и др.). Эти ловушки отлавливают птиц довольно эффективно, независимо от возраста и пола. Большие синицы чаще всего отлавливаются целыми стайками, что позволяет более точно судить о возрастной и половой структуре их популяций, мигрирующих через Куршскую косу, при условии, что сделана достаточно большая выборка.

Анализ возрастного и полового состава возможен лишь при наличии чётких критериев пола и возраста. В сентябре-октябре пол хорошо определяется как у взрослых, так и у молодых больших синиц по размеру чёрного пятна на брюхе, а возраст – по идентичности окраски наружных краёв кроющих первостепенных маховых (Svensson 1970). В сомнительных случаях принимались во внимание дополнительные

* S032101 – окольцована в г. Неринга на Куршской косе 11 октября 1962 и обнаружена в Бабаевском районе Вологодской области 23 ноября 1963.

† S031899 – окольцована в г. Неринга на Куршской косе 8 октября 1963 и обнаружена в Финляндии в точке с координатами 62°37' с.ш., 29°46' в.д. 23 октября 1963.

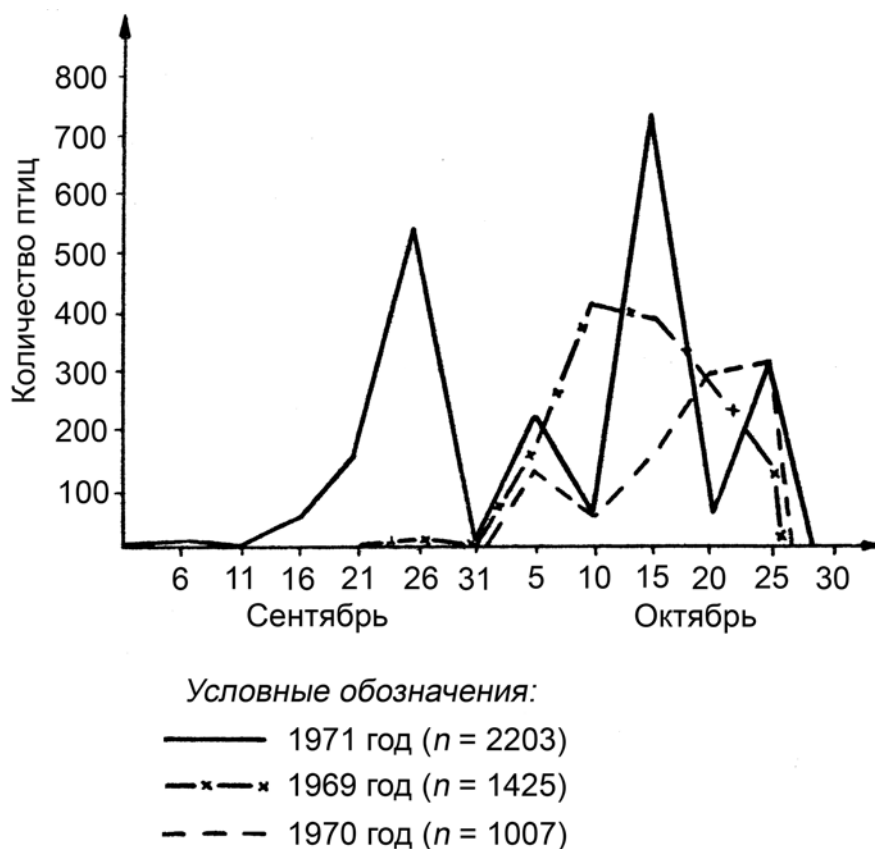
признаки. Так, у самок, особенно молодых, чёрная шапочка заметно тусклее, чем у самцов. При определении возраста иногда можно использовать наличие линьки маховых, особенно 2-го и 15-16-го. Отсчёт маховых производился от дистального края крыла без разделения на перво- и второстепенные, что более удобно в полевых условиях.

Возрастно-половой состав больших синиц *Parus major* по данным отловов на Куршской косе в 1969-1971 годах

Годы	ad		imm			indet.		Всего
	♂	♀	♂	♀	?	♂	♀	
С е н т я б р ь								
1969	2	—	5	10	10	4	5	36
1970	1	2	8	2	1	—	—	14
1971	36	44	259	442	2	2	—	785
Всего	39	46	272	454	13	6	5	835
О к т я б р ь								
1969	99	95	378	644	—	85	88	1389
1970	67	79	334	510	—	3	—	993
1971	90	117	500	702	—	2	7	1418
Всего	256	291	1212	1856	—	90	95	3800
З а о б а м е с я ц а з а в с е г о д ы								
Итого	295	337	1484	2310	13	96	100	4635

Осенние миграции больших синиц на Куршской косе отмечались во все годы, отличаясь лишь по срокам и количеству мигрантов, что вполне соответствует обзорным данным Веромана (1965). В 1969-1970 годах было отловлено 1425 и 1007 особей соответственно, а в 1971 году, отличавшемся интенсивной миграцией синиц, в том числе лазоревок *Parus caeruleus* и москочок *Parus ater*, — 2203 большие синицы. Данные о числе отловленных особей и их половом и возрастном составе приведены в таблице. Характер протекания миграции различается по годам, но несмотря на это, основная часть больших синиц мигрирует в октябре, хотя в годы массового пролёта начальные сроки миграции сдвигаются на 2-3 недели, а иногда и более (см. рисунок). Если в 1969-1970 годах массовый пролёт начался в октябре, то в 1971 году интенсивное передвижение больших синиц началось значительно раньше, уже с середины октября, а заметные перемещения отмечались с первой декады сентября. Для осенней миграции 1971 года было характерным наличие двух ясно выраженных пиков пролёта: 25 сентября и 14 октября. Однако, несмотря на растянутость осенней миграции 1971 года, большинство птиц пролетело в октябре. Независимо от начала миграции основной пролёт больших синиц проходил во все годы до 25-27 октября. Эти данные расходятся с данными Яблонского, указывающего на

то, что основной пролёт больших синиц на польском побережье Балтийского моря проходит с середины сентября до начала октября.

Сроки и интенсивность пролёта больших синиц *Parus major* по данным отлова рыбацкими ловушками осенью 1969-1971 годов

В 1969-1971 годах на пролёте отмечался примерно одинаковый процент взрослых птиц среди отловленных – 14.2%. Это в какой-то степени показывает, что рыбацкие ловушки ловили не избирательно. Наблюдалось заметное увеличение количества взрослых синиц к концу миграции. Если взрослые особи в сентябре составляли 10.3% от всех пойманных птиц, то в октябре – 15.1%.

За всё время массовой миграции отмечалось явное преобладание самок как среди молодых, так и среди взрослых птиц. На преобладание самок среди мигрирующих синиц указывалось раньше (Паевский 1969а,б). Среди всех птиц самцы составляли 40.5%, а среди молодых – не менее 39%. Наблюдалось незначительное колебание соотношения полов в зависимости от времени пролёта. Среди молодых птиц самки в сентябре составляли около 63%, а в октябре – 61%. У взрослых птиц эти колебания выражены меньше. В сентябре самцы составляли 45.9%, а в октябре – 46.6%.

Явное преобладание самок как среди взрослых, так и среди молодых птиц можно объяснить большей оседлостью самцов, их повышенной конкурентоспособностью при добывании пищи. Это объяснение

было бы вполне правдоподобным, если бы соотношение полов в популяциях больших синиц было близким к 1:1, что требует подтверждения или, наоборот, опровержения. В работе Дондта (Dhondt 1970) показано, что в условиях города самцы в выводках больших синиц составляют 54.6%, а в сельской местности – 47.2%, существенно не отличаясь в различных типах леса. Если же учесть, что на территории Советского Союза популяции из сельской местности значительно преобладают над городскими, то это различие должно быть очень заметным. В этой же работе показано, что при благоприятных условиях соотношение полов в выводке к моменту вылета бывает примерно 1:1, что объясняется повышенной смертностью самок. Таким образом вопрос, является ли преобладание самок среди мигрирующих больших синиц нормальным явлением или же объясняется большей оседлостью самцов, требует дальнейшего изучения, включающего выяснение полового состава выводков на территории европейской части СССР и сравнительного изучения смертности самцов и самок. Кроме того, необходимо провести сравнительное изучение полового и возрастного состава больших синиц в разных частях Союза, прилегающих к побережью Балтийского моря, что не составляет трудности при современном развитии работ по кольцеванию птиц.

На основе вышесказанного можно сделать вывод, что миграции взрослых больших синиц не являются чем-то исключительным. Они закономерны и отмечаются ежегодно. Среди мигрирующих синиц взрослые особи составляют 14-15% как в годы с большим количеством, так и в годы с заметно меньшим количеством мигрирующих птиц. Причисление большой синицы к инвазионным видам вряд ли приемлемо, так как миграции больших синиц наблюдаются каждый год. При этом сроки окончания массового пролёта, в отличие от сроков начала, не зависят от количества мигрантов.

Литература

- Вероман Х.Г. 1965. Осенние миграции и инвазии синиц в Прибалтике в 1954-1962 гг. // *Сообщ. Прибалт. комис. по изучению миграций птиц* 3: 61-81.
- Вилкс К.А., Вилкс Е.К. 1961. Сезонное размещение синиц и поползня в Латвийской ССР и их зимняя подкормка // *Экология и миграции птиц Прибалтики*. Рига: 151-160.
- Долбик М.С. 1965. Зимовки и миграции птиц Белоруссии по данным кольцевания // *Экология позвоночных животных Белоруссии*. Минск: 90-100.
- Лихачёв Г.Н. 1957. Оседлость и миграции большой синицы (*Parus major* L.) // *Тр. Бюро кольцевания* 9: 242-272.
- Паевский В.А. 1969а. Количественное соотношение самцов и самок в природе у некоторых видов воробьиных // *Орнитология в СССР*. Ашхабад, 2: 482-484.
- Паевский В.А. 1969б. Половые и возрастные различия сроков и путей миграций некоторых воробьиных птиц // *Вопр. экологии и биоценологии* 9: 23-37.

- Паевский В.А. 1971. Атлас миграций птиц по данным кольцевания на Куршской косе // *Тр. Зоол. ин-та АН СССР* **50**: 3-110.
- Промптов А.Н., Лукина Е.В. 1937. Изучение оседлости синиц (*Paridae*, *Aves*) методом кольцевания // *Зоол. журн.* **16**, 4: 688-699.
- Эрик В.В. 1967. Большая ловушка для массового отлова птиц // *Тр. Зоол. ин-та АН СССР* **40**: 51-55.
- Dhondt A. 1970. The sex ratio of nestling great tits // *Bird Study* **17**, 3: 282-286.
- Drost R. 1932. Wanderungen deutscher Kohlmeisen und Blaumeisen (*Parus m. major* L. und *Parus c. caeruleus* L.) // *Vogelzug* **3**: 169-173.
- Jablonski B. 1965. Studies of the autumn migration of *Parus caeruleus* L. and *Parus major* L. on the Baltic coast during the period 1961-1962 // *Ekol. Polska A*, **13**, 12.
- Kluijver N.N. 1951. The population ecology of the Great Tit, *Parus m. major* L. // *Ardea* **39**: 1-135.
- Lehtonen L. 1958. Über die Bewegungen der Meisenschwärme in den Nadel- und Mischwäldern von Südfinnland // *Ornis fenn.* **35**.
- Perrins C.M. 1966. The effect of beech crops on Great Tit population and movements // *Brit. Birds* **59**: 419-432.
- Schierer L. 1965/1966. Données fournies par le bagage de mésanges charbonnières (*Parus major*) en Alsace de 1950-1965 // *Bull. Soc. Hist. Natur. Colmar* **52**.
- Svensson L. 1970. *Identification Guide to European Passerines*. Stockholm.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2011, Том 20, Экспресс-выпуск 657: 979-981

Каролинский дятел *Melanerpes carolinus* похищает птенцов домового крапивника *Troglodytes aedon*

А. Дж. Нейл, Р. Г. Харпер

Перевод с английского. Первая публикация в 1990*

10 июля 1989 в Маклин Каунти, штат Иллинойс, на участке исследования Мэкно (Drilling, Thompson 1988) мы увидели, как каролинский дятел *Melanerpes carolinus* подцепился к искусственному гнездовью, где находилось гнездо домового крапивника *Troglodytes aedon* с 7 птенцами. Дятел просунул голову в лоток диаметром 3.2 см и вытащил 6-дневного птенца, весившего около 8 г. Оба взрослых крапивника немедленно стали окрикивать дятла, который взлетел в крону дерева с птенцом в клюве. После этого мы оставались у гнезда крапивника ещё около часа, но дятла больше не видели.

* Neil A.J., Harper R.G. 1990. Red-bellied Woodpecker predation on nestling House Wrens // *Condor* **92**: 789. Перевод с англ.: А.В.Бардин.

На следующий день в гнезде крапивника осталось 5 птенцов. Через 7 дней в гнезде было лишь 4 птенца. При этом ни на самом дощатом гнездовье, располагавшемся в 1.5 м от земли, ни на смазанной металлической трубе, на которой оно крепилось, не было следов хищничества зверя. Невероятно, чтобы родители сами выбросили птенцов, поскольку взрослые домовые крапивники не способны удалять из гнезда мёртвых или погибающих птенцов в возрасте старше 9 дней (Belles-Isles, Pictman 1986; наши наблюдения). Скорее всего, этот дятел возвращался к гнезду и унёс ещё два птенца.

Хотя мы только один раз непосредственно наблюдали похищение каролинским дятлом птенца домового крапивника, есть косвенные свидетельства, что такое хищничество может происходить регулярно. Так, в 1988 и 1989 годах мы взвешивали птенцов домового крапивника, когда они достигали возраста 9 и 12 дней. В течение этого трёхдневного интервала из гнёзд исчезло 6.1% (13 из 214) птенцов. Однако за 253 ч наблюдений в течение этого возрастного интервала ни одного случая хищничества отмечено не было. Мы также видели домовых крапивников, окрикивающих красноголового дятла *Melanerpes erythrocephalus* около гнездовья с птенцами. Невероятно, чтобы дятлы пытались выжить крапивников из искусственных гнездовий, поскольку за последние 10 лет дятлы ни разу не пытались загнеститься в каком-либо из 910 вывешенных искусственных гнездовий.

В своём обзоре Бент (Bent 1964) пишет, что рацион каролинских дятлов в основном состоит из насекомых, ягод и орехов. Существует лишь несколько сообщений о поедании ими яиц или птенцов. Брэкбилл (Brackbill 1969) сообщает о похищении каролинским дятлом яиц домового воробья *Passer domesticus*. Зарегистрировано также поедание этим дятлом птенцов как открыто гнездящейся сетофаги *Setophaga ruticilla* из Parulidae (Watt 1980), так и вторичных дуплогнездников – каролинского поползня *Sitta carolinensis* (Dunn 1984) и каролинской гаички *Parus carolinensis* (Conner 1974). Что касается других дятлов, то описан случай, когда хохлатая желна *Dryocopus pileatus* использовала в пищу птенцов каролинского дятла (Loftin 1981), а в работе Нильсона (Nilsen 1984) показано, что большие пёстрые дятлы *Dendrocopos major* являются основными хищниками, разоряющими гнёзда синиц *Parus* spp. – 48% гнёзд в искусственных гнездовьях.

Вполне возможно, что каролинский дятел систематически разоряет гнёзда дуплогнездников, например домового крапивника, и по его вине их птенцы могут пропадать гораздо чаще, чем это принято считать.

We thank C.F.Thompson, D.Watt, B.Gottfried, and N.E.Drilling for making comments on this manuscript. These observations were made while conducting research supported by NSF grant BSR 8615296 to C.F.Thompson.

Литература

- Belles-Isles J.-C., Picman J. 1986. House Wren nest-destroying behavior // *Condor* **88**: 190-193.
- Bent A.C. 1964. *Life histories of North American woodpeckers*. New York.
- Brackbill H. 1969. Red-bellied Woodpecker taking bird's eggs // *Bird-Banding* **40**: 323-324.
- Conner R.N. 1974. Red-bellied Woodpecker predation on nestling Carolina Chickadees // *Auk* **91**: 836.
- Drilling N.E., Thompson C.F. 1988. Natal and breeding dispersal in House Wrens (*Troglodytes aedon*) // *Auk* **105**: 480-491.
- Dunn M.L. 1984. Red-bellied Woodpecker predation on nestling Nuthatches // *Chat* **48**: 74-75.
- Loftin R.W. 1981. Pileated Woodpecker takes Red-bellied Woodpecker nestling // *Fl. Field Nat.* **9**: 41.
- Nilsson S.G. 1984. The evolution of nest-site selection among hole-nesting birds: the importance of nest predation and competition // *Ornis scand.* **15**: 167-175.
- Watt D.J. 1980. Red-bellied Woodpecker predation on nestling American Redstarts // *Wilson Bull.* **92**: 249.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2011, Том 20, Экспресс-выпуск 657: 981-983

Гнездование грачей *Corvus frugilegus* на опорах и распределительных устройствах высоковольтных линий электропередачи и контактных электросетей железных дорог в Казахстане

Н.Н.Березовиков

Николай Николаевич Березовиков. Лаборатория орнитологии и герпетологии, Институт зоологии, Министерство образования и науки, проспект Аль-Фараби, 93, Алматы, 050060, Казахстан.
E-mail: berezovikov_n@mail.ru

Поступила в редакцию 28 апреля 2011

Во второй половине XX столетия в Казахстане произошли значительные изменения в территориальном размещении и численности грача *Corvus frugilegus*, вызванные промышленным и сельскохозяйственным освоением территории. С одной стороны, положительную роль сыграло масштабное освоение целинных и залежных земель, создавшее для грачей благоприятную кормовую базу. С другой стороны, возникновение множества посёлков в степных районах, где среди безлесных степей и пустынных равнин появились высоковольтные тополе-

вые и карагачёвые насаждения в садах и парках, создало удобные места для гнездования и способствовало возникновению множества грачиных колоний. Всё это привело к тому, что грачи стали массовыми гнездящимся птицами сельскохозяйственных ландшафтов Казахстана, особенно в районах развитого зернового земледелия.

Вместе с тем, создание придорожных защитных лесополос и станционных садов вдоль железной дороги между Уральском, Оренбургом, Актюбинском, Кызыл-Ордой, Ташкентом и Алма-Атой и заселение их грачами способствовало проникновению этого вида на юг в глубь пустынной зоны. Сейчас грачи настолько освоили все железнодорожные станции и разъезды, что их шумные колонии в высокоствольных тополях и карагачах около вокзалов являются едва ли не основной приметой пристанционного ландшафта. Подобная же картина наблюдается вдоль железной дороги Кустанай – Астана – Караганда – Алматы, где грачи благодаря придорожным лесополосам проникли в практически безлесные степные и пустынные местности.

Заметный рост численности грачей был отмечен нами на востоке Казахстана в конце 1970-х годов (Березовиков, Щербаков 1990). Подобная тенденция отмечалась тогда и в других регионах республики и сопредельных территорий. Увеличение численности ознаменовалось не только появлением новых колоний в естественных местообитаниях, в придорожных лесополосах, в садах и парках населённых пунктов, но и переходом грачей к гнездованию на опорах высоковольтных линий электропередачи и по контактными сетям вдоль железных дорог. Последнее явление получило широкое распространение в конце 1970-х – начале 1980-х годов. Уже в 1982 году вдоль Куйбышевской железной дороги между станциями Евлашево и Сызрань множество грачиных гнёзд располагалось на горизонтальных решетчатых фермах, несущих токопроводящие элементы (Давыгора 1984). Особой привлекательностью стали пользоваться мощные металлические опоры ажурной конструкции, являющиеся узловыми пунктами, от которых отходят сразу несколько линий. Одна из таких больших колоний на подобной опоре была известна мне в 1989-1990 годах на железнодорожной станции Кандагач (Кандыагаш) южнее Актюбинска. В начале 1980-х годов грачи стали предпринимать регулярные попытки устраивать свои гнёзда на опорах контактной электросети Кустанайской железной дороги в Семиозёрном районе (Поставной 1984). В апреле-мае 1998 года небольшая их колония существовала на высокой металлической опоре вдоль линии железной дороги между станциями Кушмурун и Аманкарагай, а на окраине города Рудный более десятка гнёзд грачей было устроено на металлических опорах ЛЭП-500. На станции Тобол колония из 52 гнёзд располагалась на ажурных металлических перекладинах электротяги над железнодорожными путями и ещё две неболь-

ших колонии на металлических вышках с распределительным электрооборудованием и осветительными приборами (Ковшарь, Березовиков 2000). Множество гнёзд грачей в апреле-мае 1998-1999 годов располагалось на конструкциях над железнодорожными путями у вокзала Кустаная, однако в последующие годы это поселение было ликвидировано службой безопасности. В 1999 году группа гнёзд грачей отмечена на одной из ажурных конструкций контактной электросети над линией железной дороги в Караганде. В 2000-2006 годах мы периодически отмечали попытки гнездования небольших групп грачей на этом же участке железной дороги. Самой южной точкой гнездования грачей на высоковольтных линиях является участок автотрассы Балхаш – Караганда в 114 км севернее города Балхаш, где у свёртка к селу Жамшы в 1998 году на 5 металлических опорах ажурной конструкции находилось свыше 20 гнёзд грачей.

Колониальное гнездование грачей на контактных сетях по линиям железных дорог и на распределительных устройствах создаёт серьёзную проблему для энергетиков. Показательным примером, иллюстрирующим возможные последствия, является случай, происшедший в городе Петропавловске Северо-Казахстанской области. Ранним утром 19 апреля 2011 весь город и участок Южно-Уральской железной дороги более 20 мин оставался без электроэнергии после короткого замыкания на распределительном устройстве ТЭЦ-2 и автоматического отключения двух турбин на самой ТЭЦ. На линии железной дороги были вынуждены переключаться на резервную систему электроснабжения. Серьёзные проблемы возникли и в других жизненно важных системах городского хозяйства. Виновниками критической ситуации оказались грачи, начавшие строить гнёзда на распределительном устройстве ТЭЦ-2 и замкнувшие провода во время укладки веток на провода.

Литература

- Березовиков Н.Н., Щербаков Б.В. 1990. Размещение грача в Восточном Казахстане // *Вестн. зоол.* 1:75-76.
- Давыгора А.В. 1984. О гнездовании грачей на фермах ЛЭП железной дороги // *Экология, биоценотическое и хозяйственное значение врановых птиц.* М.: 57-58.
- Ковшарь А.Ф., Березовиков Н.Н. 2000. Орнитологические наблюдения в Наурузуме (Северный Казахстан) весной 1998 и 1999 гг. // *Материалы к распространению птиц на Урале, в Приуралье и Западной Сибири.* Екатеринбург: 94-114.
- Поставной Г.В. 1984. Необычное гнездование врановых птиц в Кустанайской области // *Орнитология* 19: 211.

Хрустан *Eudromias morinellus* в высокогорье Западного Алтая

Б.В.Щербаков, Л.И.Щербакова

Борис Васильевич Щербаков. Союз охраны птиц Казахстана, проспект Ушанова, д. 64, кв. 221, Усть-Каменогорск, 492024, Казахстан. E-mail: biosfera_npk@mail.ru

Лилия Ивановна Щербакова. Восточно-Казахстанский государственный университет, Усть-Каменогорск, 492025, Казахстан

Поступила в редакцию 7 мая 2011

О нахождении хрустана *Eudromias morinellus* в альпийском поясе Ивановского хребта впервые сообщил ботаник К.Ф.Ледебур, поднимающийся 23 мая 1826 на Крестовую гору – одну из вершин этого хребта напротив Риддерского рудника (Ledebour 1829; цит. по: Сушкин 1938). Впоследствии И.А.Долгушин (1962) выразил сомнение в обитании здесь хрустана, ссылаясь на то, что никто из орнитологов, посетивших этот район, его здесь не отмечал. Однако в 1967 году нами было установлено гнездование хрустана в восточной части Ивановского хребта (Щербаков 1973, 1986, 1999), после чего И.Ф.Самусев (1973) включил его в список обычных птиц Восточного Казахстана. К западу по водоразделу этого хребта хрустан доходит до горы Крестовой на уровне города Риддера и до Проходного белка. На других хребтах Западного Алтая он найден не был. Места обитания – горные тундры по вершинам хребта на высотах от 2000 до 2500 м над уровнем моря.

Весной появление хрустанов у мест гнездования приходится на конец второй декады мая. Так, 12 мая 1972 на обычных местах гнездования их ещё не было, что было связано с обилием на этих высотах снежных наносов и низких температур, особенно ночью. Для гнездования этот кулик избирает выровненные или слегка отлогие участки щебнистой, часто с выходами на поверхность вершин задернованных камней или глыб. Найденные гнёзда были устроены на водоразделах или платообразных вершинах, поросших разреженными осоково-дриадовыми ассоциациями, иногда с кустиками круглолистной берёзки *Betula rotundifolia*. Однако чаще гнездовые поселения хрустанов находились на вершинах с мелкощебнистыми плешинами и разреженной на них травянистой растительностью с участием горца живородящего *Polygonum viviparum*, осоки скальной *Carex rupestris* и куропаточьей травы *Driada oxyodonta*. На небольших присклонных вершинах с выровненными на площадках поселяется обычно по 1-3 пары, тогда как на участках водоразделов встречаются небольшие поселения-колонии до 7 пар.

Гнёзда хрустана представляют собой небольшие углубления, чаще всего находящиеся под прикрытием травянистых растений. Лоток глубиной 1-4 см выстилается листьями и стеблями горца живородящего, трёхреберника *Tripleurospermum ambiguum*, скальной осоки, шульции волосистой *Schultzia crinita* и кусочками лишайников.

Первая стайка из 4 птиц на Проходном белке (Ивановский хребет, 2000 м н.у.м.) в 1974 году появилась 26 мая. На этом же хребте в районе Тургусунских белков (2000-2500 м) 2 одиночки, пара и группа из 5 особей встречены 29 июня 1974 у мест их гнездования. Для устройства гнёзд хрустаны чаще всего выбирают склоны северо-западной экспозиции, поселяясь с подветренной стороны хребтов. В это время у них наблюдалось брачное токование: самцы бегали друг за другом, затем срывались с места и летали на высоте 200-300 м от земли ныряющим полётом с криками «*вить-вить- вить...*». Затем, сложив крылья, по наклонной пикировали, издавая во время падения приятный и громкий звук «*кrrrrri...*», и с этим же криком опускались на землю.

У найденного гнезда с полной кладкой из 3 яиц насиживающая птица при нашем приближении оставила кладку и бегала рядом, издавая негромкий протяжный и жалобный голос: «*уук – уук- уук...*». В колонии, в которой было около десятка особей, расположившейся на щебнистом прилавке Ивановского хребта в районе Тургусунских озёр (2100-2200 м н.у.м.), 21 и 25 июля 1973 хрустаны пытались отводить от затаившихся птенцов. При этом они отбегали на 2-5 м от человека, припадали на брюшко, судорожно били то одним, то другим крылом, затем стремительно отбегали, если их преследовали, и снова падали и, волоча одну или другую лапку, продолжали так же усиленно биться, имитируя раненную птицу.

Сроки гнездования хрустана, несмотря на поздний прилёт, достаточно растянуты. Это связано с темпами наступления весны в альпийском и тундровом поясах, абсолютной высотой местности и мощностью снегового покрова. Поэтому на высотах от 2000 до 2200 м на уровне моря кладки у хрустанов появляются обычно на 7-10 дней раньше, чем у живущих на высоте 2400 м. 10 июня 1967 в условиях рано наступившей весны в районе горы Крестовой (2200 м н.у.м.) найдены 2 гнезда хрустана, содержавшие кладки по 3 сильно насиженных яйца, эмбрионы в которых были уже покрыты зародышевым пухом. 24 июня 1971 в условиях поздней весны в урочище «Медвежья тропа» (Ивановский хребет, 2100 м) обнаружена кладка из 3 слабо насиженных яиц. На гнезде находилась самка, которая была добыта. Фолликулы её яичника имели диаметр 5.4 и 3 мм. В это же время на высоте 2400 м уже были встречены две стайки хрустанов по 5 особей в каждой, ещё не приступивших к гнездованию, так как тундры на этих высотах лишь частично освободились от снега.

Размеры яиц, мм: 39-42×28-30, в среднем 40.2×28.6 ($n = 15$). Масса двух яиц на стадии вылупления птенцов – 15.8 и 15.8 г.

Сведения о содержимом найденных нами в 1967-1971 годах 8 гнёзд хрустанов опубликованы ранее (Щербаков 1973). К этому следует добавить, что наиболее поздняя кладка из 3 сильно насиженных яиц найдена 5 августа 1971 на водоразделе Ивановского хребта (2100 м над уровнем моря) недалеко от Белоубинских озёр. Наиболее раннее появление птенцов отмечено 13 июня 1967 (Щербаков 1973). Среди щебнистой осоково-лишайниковой тундры Ивановского хребта близ Белоубинских озёр 16 июля 1976 встречен выводок из 4 птенцов величиной почти со взрослых птиц (Щербаков, Березовиков 2007).

Согласно литературным данным, у хрустана насиживают кладки и занимаются воспитанием птенцов самцы (Долгушин 1962). Однако по сведениям Е.В.Козловой (1961), у гнёзд с птенцами встречали также и самок. Отводившая от гнезда с кладкой из 3 яиц 24 июня 1971 самка была добыта и нами. Кроме того, летом 1971 года в урочище Медвежья тропа (Ивановский хребет, 2200 м н.у.м.) сильное беспокойство у гнезда постоянно проявляли и самец, и самка. Пара хрустанов, отводящая от птенцов, наблюдалась также на Южном Алтае (Березовиков 1989). Из этих наблюдений следует, что хрустан, видимо, находится на стадии завершения перехода в процессе эволюции забот о потомстве к самцам, однако в редких случаях самки также могут проявлять родительскую заботу, что следует рассматривать как проявление атавизма.

По данным П.П.Сушкина (1938), на Алтае хрустаны оставляют высокогорье уже в середине августа, а к 27 числу исчезают совсем. По нашим наблюдениям, в конце августа хрустаны сбиваются в небольшие стаи, состоящие в основном из молодых птиц, и постепенно откочёвывают к местам зимовок. Наиболее поздняя встреча молодого самца хрустана произошла 10 сентября 1970 у вершин «Три брата» (Ивановский хребет, 2100 м над уровнем моря).

Литература

- Березовиков Н.Н. 1989. *Птицы Маркакольской котловины (Южный Алтай)*. Алма-Ата: 1-200.
- Долгушин И.А. 1962. Отряд Кулики – *Limicolae* // *Птицы Казахстана*. Алма-Ата, 2: 40-245.
- Козлова Е.В. 1961. *Ржанкообразные: Подотряд кулики*. М.; Л.: 1-501 (Зоол. ин-т АН СССР. Фауна СССР. Нов. сер. № 81. Птицы. Т. 2. Вып. 1. Ч. 3).
- Самусев И.Ф. 1973. О куликах Восточного Казахстана // *Фауна и экология куликов*. М., 2: 70-72.
- Сушкин П.П. 1938. *Птицы Советского Алтая и прилежащих частей Северо-Западной Монголии*. М.; Л., 1: 1-320.
- Щербаков Б.В. (1973) 2004. К биологии хрустана *Eudromias morinellus* на Западном Алтае // *Рус. орнитол. журн.* 13 (267): 684-686.

- Щербаков Б.В. 1986. *Птицы Западного Алтая*. Автореф. дис. ... канд. биол. наук. М.: 1-22.
- Щербаков Б.В. 1999. Гнездовая фауна птиц Западно-Алтайского заповедника // *Территориальные аспекты охраны птиц в Средней Азии и Казахстане*. М.: 16-19.
- Щербаков Б.В., Березовиков Н.Н. 2007. Фауна птиц Западно-Алтайского заповедника // *Тр. Западно-Алтайского заповедника*. Алматы, 1: 41-87.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2011, Том 20, Экспресс-выпуск 657: 987-990

Волгоградская Сарпа как рефугиум редких видов птиц

С.А.Букреев, В.Ф.Чернобай

*Второе издание. Первая публикация в 2001**

Волгоградской Сарпой называют северную часть Сарпинской низменности в пределах Волгоградской области. По сравнению с более южной частью этой низменности (в пределах Калмыкии), этот район характеризуется гораздо большей освоенностью, лучшей и более стабильной обводнёностью и практически полным преобразованием исходного ландшафта. Площадь данного района около 110 тыс. га. Здесь имеется три естественных водоёма (общей площадью около 5 тыс. га), относящихся к системе Сарпинских озёр – озёра Сарпа (в настоящее время перегороженное поперечными дамбами на 6 отсеков), Цаца и Галгой, а также обширная система (более 3 тыс. га) созданных на месте бывших лиманов техногенных водоёмов южной промзоны Волгограда (отстойники, пруды-испарители, накопители), крупный комплекс рыбопроизводных прудов (1.5 тыс. га) и густая сеть различных каналов с приёмниками сбросных вод. Всё это создаёт хорошие условия для обитания водно-болотных птиц и делает данный район одним из наиболее крупных рефугиумов лимнофильной орнитофауны во всём Нижнем Поволжье. В настоящем сообщении даётся обзор гнездовой численности только редких видов (внесённых в Красную книгу России и регионально редких), выполненный по результатам наших исследований в конце апреля – начале июня 1999-2000 годов.

Platalea leucorodia. В конце мая 1999 года на заросших тростником отстойниках в юго-восточной части района учтено 35 колпид (от 1 до 16

* Букреев С.А., Чернобай В.Ф. 2001. Волгоградская Сарпа как рефугиум редких видов птиц // *Актуальные проблемы изучения и охраны птиц Восточной Европы и Северной Азии*. Казань: 116-118.

особей в одном месте). Гнёзда не найдены, но гнездование очень вероятно. По всей видимости, в пределах Волгоградской Сарпы в настоящее время гнездится порядка 20-30 пар этого вида.

Plegadis falcinellus. Каравайка встречается заметно реже предыдущего вида. Нами наблюдалась всего дважды (1 птица 23 мая 1999 и 4 – 9 июня 2000). Можно предположить гнездование, но в очень небольшом числе (не более 5 пар).

Oxyura leucoserphala. Волгоградская Сарпа – единственное место в Нижнем Поволжье, где в настоящее время установлено гнездование савки. Нами она найдена на 3 соседних водоёмах (озеро Сарпа и 2 отстойника), где гнездится не менее 35 пар. Общая численность во всём районе оценивается в 50 пар.

Viscephala clangula. Регионально редкий вид. Уникальная изолированная популяция гоголя гнездится в Волго-Ахтубинском междуречье, откуда он залетает на водоёмы в северной части Волгоградской Сарпы, в том числе в небольшом количестве, но регулярно встречается здесь и в гнездовой период (доминируют самцы, но среди них встречаются и самки). Иногда группы насчитывают до 50 птиц, но чаще не превышают 10 особей. Условий для гнездования гоголя в рассматриваемом районе нет (отсутствует древесная растительность вокруг водоёмов), поэтому, скорее всего, все наблюдения в период гнездования относятся к неразмножающимся особям.

Anthropoides virgo. Встречается на полях и нераспаханных неудобьях преимущественно в южной части района. Наиболее крупная группировка журавлей-красавок сохранилась в окрестностях озера Цаца (в конце апреля 1999 года здесь учтено 5 территориальных пар). В остальных местах гнездятся единичные пары (в т.ч. нами отмечены в низовьях Большой Тингутинской балки, вокруг отстойников на границе с Калмыкией и у магистрального канала юго-восточнее села Цаца). Общую гнездовую численность красавки в пределах Волгоградской Сарпы можно оценить на уровне 15-20 пар.

Tetrax tetrax. В гнездовое время стрепет очень редок. Нами отмечен только один раз: 27 апреля 1999 одиночный самец на заросшем бурьяном залежном поле в низовьях Большой Тингутинской балки. Во всей Волгоградской Сарпе вряд ли гнездится более 10 пар.

Larus ichthyaetus. Гнездовая колония черноголового хохотуна обнаружена нами на небольшом илистом острове химотстойника на границе с Калмыкией (в 1999 году она насчитывала 21 пару, в 2000 – около 100 пар). Вторая колония (в 1999 году здесь гнездились 20-30 пар) располагалась на островах другого отстойника в юго-восточной части района. Наряду с гнездящимися, на территории Волгоградской Сарпы в гнездовой сезон в значительном количестве присутствуют также неразмножающиеся хохотуны (не менее 200-300). Кормящихся и отды-

хающих птиц (чаще небольшими группами, но в местах колоний их скопления насчитывают до 100 и более особей) можно встретить повсеместно, хотя в целом в южной части района вид более многочислен, чем в северной.

Hydroprogne caspia. Чеграва встречается в южной половине Волгоградской Сарпы. В 1999 году здесь держалось (гнездились и летовало) в сумме не менее 1.3 тыс. птиц, в 2000 году численность была значительно ниже. Нами найдена только одна гнездовая колония на илистом острове химотстойника на границе с Калмыкией (здесь же гнездились хохотуньи *Larus cachinnans* и черноголовые хохотуны). В 1999 году здесь учтено около 350 гнёзд чеграв, в 2000 – всего 60. Успешность размножения низкая из-за хищничества со стороны хохотуний.

Sterna albifrons. За период наблюдений отмечена только одна малая крачка на кормёжке 9 июня 2000 в северной оконечности озера Сарпа, хотя подходящих для гнездования вида биотопов в рассматриваемом районе вполне достаточно.

Glareola nordmanni. В пределах Волгоградской Сарпы степная тиркушка распространена довольно широко, но численность повсеместно низкая. В гнездовой сезон 1999-2000 годов (конец мая – начало июня) она отмечена нами в 10 разных точках, где суммарно учтено 85 птиц (или около 50 пар); в трёх из этих мест достоверно установлено гнездование. Численность в пределах всей Волгоградской Сарпы оценивается в 80-100 пар. Гнездится на берегах водоёмов или обсыхающих участках отстойников небольшими колониями из 2-3 пар, реже одиночными парами.

Himantopus himantopus. Ходулочник распространён повсеместно, являясь самым многочисленным гнездящимся видом куликов. Общая численность в гнездовой сезон оценивается в 2-2.5 тыс. особей, из которых гнездится порядка 600-800 пар. Гнездовые колонии насчитывают до 60 пар, чаще – от нескольких до 20-30 пар.

Recurvirostra avosetta. Численность шилоклювки значительно ниже, чем ходулочника. По нашим оценкам, она составляет не более 300-400 особей, из которых гнездится порядка 100 пар. Распространена спорадично, найдена нами в 4 местах. Самая крупная гнездовая колония расположена на илистых островах химотстойника на границе с Калмыкией; в 1999 году здесь гнездились 60-65 пар. В остальных местах отмечались 2-4 пары.

Limosa limosa. Регионально редкий вид. Гнездование большого веретенника на Волгоградской Сарпе не установлено, но очень вероятно (судя по нашим встречам, здесь может гнездиться не менее 10 пар). В довольно значительном количестве в этом районе держатся также летующие птицы. Например, 3 июня 2000 отмечено скопление, насчитывавшее более 100 больших веретенников.

В предыдущие годы в рассматриваемом районе отмечалось или предполагалось гнездование также малой поганки *Tachybaptus ruficollis*, жёлтой цапли *Ardeola ralloides* (регионально редкие виды) и белогоглазого нырка *Aythya nyroca*, но нами эти птицы не встречены.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2011, Том 20, Экспресс-выпуск 657: 990-991

Гнездование ястребиной славки *Sylvia nisoria* на Валаамском архипелаге Ладожского озера

Е.В. Михалёва

Второе издание. Первая публикация в 2001*

Как известно, ястребиная славка *Sylvia nisoria* является очень редким и нерегулярно гнездящимся видом южных районов Карелии (Зимин и др. 1993). Ближайшие места её относительно регулярного гнездования – Ленинградская область, где ястребиная славка тоже встречается намного реже других славков (Носков и др. 1981; Мальчевский, Пукинский 1983), а также южные прибрежные районы Финляндии с прилегающими архипелагами (Kalela 1938; Naartman 1959). В Карелии известны лишь несколько встреч этого вида в 1970-1980-х годах (Зимин и др. 1993).

В ходе орнитологических исследований на островах Валаамского архипелага Ладожского озера в 1990-1995 годах (в составе Валаамской экспедиции Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей) собраны сведения о встречах ястребиной славки, позволяющие предполагать регулярное гнездование этого вида на архипелаге.

19 июня 1991 встречена беспокоившаяся ястребиная славка на Германовском поле. 26 июня 1991 там же, в 50 м от вертолётной площадки, в ивняке было найдено гнездо ястребиной славки с 4 птенцами в возрасте 4-5 дней. Гнездо располагалось в развилке ветвей на высоте 0.5 м от земли. В июне 1992 года поющего самца регулярно отмечали на Никоновском поле, а в начале июля – также и на Германовском поле. В 1993 году пара ястребиных славков держалась на Германовском поле до середины июля, проявляя беспокойство. В 1994 году у летней фермы И.А. Чуйкин (устн. сообщ.) наблюдал 19 июля пару ястребиных славков с выводком подлётывающих птенцов. В 1995 году 9 июня бес-

* Михалёва Е.В. 2001. Гнездование ястребиной славки на Валаамском архипелаге Ладожского озера // *Орнитология* 29: 301.

покоящаяся самка ястребиной славки со строительным материалом в клюве была отмечена в южной части Германовского поля, а в период с 4 по 10 июня поющего самца несколько раз слышали на Никоновском поле.

Исследования поддержаны стипендией Дж.Сороса Академии естественных наук России и Международного научного фонда по проблеме «Биоразнообразии» за 1992-1993 годы.

Литература

- Зимин В.Б., Сазонов С.В., Лапшин Н.В., Хохлова Т.Ю., Артемьев А.В., Анненков В.Г., Яковлева М.В. 1993. *Орнитофауна Карелии*. Петрозаводск: 1-220.
- Мальчевский А.С., Пукинский Ю.Б. 1983. *Птицы Ленинградской области и сопредельных территорий: История, биология, охрана*. Л., 2: 1-504.
- Носков Г.А., Зимин В.Б., Резвый С.П., Рымкевич Т.А., Лапшин Н.В., Головань В.И. 1981. Птицы Ладожского орнитологического стационара и его окрестностей // *Экология птиц Приладожья*. Л.: 3-86.
- Haartman L., von. 1959. Hockfargad de sangaren (*Sylvia nisoria*) i Tvarminnetrakten // *Met. Soc. fauna et flora fenn.* 34: 736-738.
- Kalela O. 1938. Ueber die regionale Verteilung der Brutvogelfauna im Flussgebiet des Kokemaenjoki // *Ann. Zool. Soc. zool.-bot. fenn.* 5, 9: 1-121.

